

УДК 82-3

**ДВЕ МОДЕЛИ АМЕРИКАНСКОЙ УТОПИИ
(на примере произведений Э. Беллами и Р. Хайнлайна)**

Д.Е. Мартынов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению жанра утопии в США в период 1880–1940 гг. Показано, что спецификой утопического сознания и, как следствие, утопической беллетристики в Америке является практическая ориентированность общества на реализацию идеальной модели. США восприняли европейскую традицию конструирования идеала, основным методом которого является инверсия, позволяющая в воображении одномоментно преодолеть существующее положение вещей и создать радикально отличающийся от него мир. Если идеалом европейских утопистов был эгалитаризм, то в американской утопии его место очень рано заняла идея справедливости, связанная не с равенством имущества и потребления, а с равенством возможностей. Поэтому роман Э. Беллами «Взгляд назад, 2000–1887» (*Looking Backward, 2000–1887*), не имея никаких литературных достоинств, в 1888 г. произвёл революцию в общественном сознании не только США, но и Европы, заложив ряд важнейших общественных трендов, прежде всего в сфере потребления. Между тем Р. Хайнлайн, попытавшись создать собственный утопический идеал во второй половине 30-х годов XX в., столкнулся с непониманием издателей и полностью перешёл на написание коммерческой научно-фантастической беллетристики.

Ключевые слова: утопия, инверсия, научная фантастика, США, Э. Беллами, Р. Хайнлайн

В первом и пока единственном исследовании американского утопического сознания и соответствующих проектов Э.Я. Баталов справедливо отмечал, что о США принято судить как о стране, главной чертой национального сознания которой является враждебность всякому визионерству, практицизм и вообще всё, что именуется реализмом в теории и на практике. Однако именно эмпирический подход к реальности, нашедший отражение почти во всех сферах североамериканской культуры, послужил объективной предпосылкой формирования утопического сознания в американском обществе [1, с. 3–4]. Практически все исследователи солидарны в том, что США начиная со второй половины XIX в. представили огромное разнообразие экспериментов, в которых на практике реализовывались проекты западноевропейских утопистов [2, р. XXX–XXXII]¹. Провал привёл к двойным последствиям: с одной стороны, писатели США обратились к утопическому

¹ Систематизированное перечисление см. [2, р. 108–109, 143–144, 146, 156–157, 237, 273–274].

литературному творчеству, с другой – возникли предпосылки для теоретического осмысления опыта коммун, сект и движений подобного рода [3, с. 104–107].

В современной истории ни одна страна и национальная культура, кроме США, не была в такой степени связана с утопией. Собственно, во время миллениаристского подъёма XV в. в Европе распространились представления о том, что где-то на краю Земли существует блаженная страна, скрытая от мира, как бы «зарезервированная» Всевышним для последующего «осчастливливания пострадавшего человечества» [4, с. 12]. В этом плане появление трактата Т. Мора «Утопия» в 1516 г., совпавшее по времени с открытием высокоразвитых аборигенных цивилизаций на Американском континенте, стало очень важным фактором осмысления неевропейских культур и их включения в культурную европейскую ойкумену. На Новый Свет были спроецированы черты, приписываемые Т. Мором утопийцам: повседневное изобилие и счастливая жизнь, свобода, равенство и др.² Впоследствии аналогичные взгляды переносились и на Соединённые Штаты Америки. В наиболее концентрированном виде представления об Америке как о живой утопии были представлены в известной книге Ж. Бодрийера [6, с. 151]. Его тезисы в значительной степени дублируются множеством американских авторов; всех их объединяет исторический оптимизм, который можно рассматривать как рационализацию существовавшей ещё с колониальных времён веры в светлое будущее Америки и её великое предназначение [4, с. 14].

Если обращаться к сфере утопического литературного творчества, то совершенно очевидно, что оно в США будет иметь свои особенности. Утопических теоретиков, подобных Т. Мору, Т. Кампанелле, Р. Оуэну, А. Сен-Симону и Ш. Фурье, не было в Северной Америке вплоть до конца XIX в., когда произошёл мощный всплеск утопического творчества [3, с. 108]. При этом формирование собственной утопической традиции и идеала происходило в чрезвычайно специфической политической, социальной и экономической среде. Попытаемся сформулировать основные отличия утопической модели, выработанной в США.

1. Существенное воздействие на американскую литературу XIX в. оказала народная утопия, что объясняется отсутствием выдающихся мыслителей-утопистов с их индивидуальным методом инверсии реальности. Народная утопия США в первоначальной форме возникла и сложилась в Европе, преимущественно на базе национальных культур Англии и Франции [1, с. 82]. Эти представления, однако, уже на достаточно раннем этапе были вытеснены новыми, зафиксированными, например, А. де Токвилем в 30-е годы XIX в.

2. Основным методом создания утопического идеала в европейской культурной традиции является инверсия, позволяющая в воображении одномоментно преодолеть существующее положение вещей и создать радикально отличающийся от него мир. В первую очередь это касалось проблем труда, неравенства

² Отметим справедливости ради, что в 1950 г. в США вышла монография, автор которой пытался доказать, что «Утопия» Мора была инспирирована известиями о «социалистической» империи инков в Южной Америке. Показательно, что подобного рода теории были проанализированы французским политологом и индеанистом Л. Бодэном ещё в 1925 г. и решительно отвергнуты. Зато влияние «Утопии» на потомка испанского конкистадора и перуанской принцессы Инку Гарсиласо де ла Вега (1539–1616), опубликовавшего в 1609 г. «Историю государства инков», является совершенно неоспоримым [5]. Примечательно, что и первый епископ мексиканского Мичоакана дон Васко де Кирого (1470–1565) считал, что индейцы живут в состоянии золотого века, как утопийцы, и потому возможно перестроить их общество сообразно утопическим началам, что он и попытался сделать [2, р. 252–253].

и свободы. Последняя в Европе рассматривалась, как правило, в негативном аспекте («свобода от») и была очень рано выражена в образе Телемской обители Ф. Рабле с её девизом: «Делай что хочешь!» («Гаргантюа и Пантагрюэль», 1532). Естественно, что эти идеалы в своей глубинной основе остались в американском общественном сознании, поскольку переселенцы из Европы являлись их носителями. При всей внутренней неоднородности и противоречивости европейской утопии Нового времени её идеалом является эгалитаризм. В американской утопии его место очень рано заняла идея справедливости, связанная не с равенством имущества и потребления, а с одинаковыми возможностями, открывающимися перед каждым членом общества и распространяющимися не только на экономическую, но и на политическую и правовую сферы, то есть речь идёт о равноправии и равном участии в политических делах общества. Американское утопическое сознание при этом не отрицало государство как таковое, но отчуждённая государственная власть вызывала раздражение. Отсюда сочувствие к любым формам местного самоуправления и склонность к изоляции конкретной общины, дела которой являются своего рода центром вселенной. Это следствие позитивного восприятия свободы, которая в первую очередь представляется свободой предпринимательской деятельности, свободой принятия решений и т. д. В обществе индивидуалистов любые управленческие структуры должны, с одной стороны, гарантировать гражданский статус, с другой – обеспечивать более или менее комфортабельное «сцепление» с такими же индивидуалистами и защищать от внешних и внутренних врагов. Оптимальной формой такой структуры является община (*community*).

3. Несмотря на то что утопический идеал возник в аграрном обществе и первые десятилетия своего существования США были сельской страной, городской характер подавляющего большинства утопических топосов не вызывает никаких сомнений. Л. Мэмфорд задолго до формулирования бихевиористской философии и доктрины «мягкой утопии» пришёл к выводу, что только город является единственным подлинным архетипом утопии, поскольку механизм городской жизни позволяет упорядочить всю общественную жизнь в соответствии с тем или иным идеалом управления [7, с. 79–97].

Базовые признаки американской модели в деталях прослеживаются в утопических идеалах, выдвинутых между 1880-м и 1940-м годами двумя разными социальными мыслителями и писателями – Эдвардом Беллами (Edward Bellamy, 1850–1898) и Робертом Хайнлайном (Robert Heinlein, 1907–1988).

Эдвард Беллами происходил из старинной бостонской семьи священников и теологов. Как и многие другие американцы из культурных семей XIX в., он получил образование в Европе, работал журналистом и публицистом. Его перу принадлежат три десятка литературных произведений, в том числе три романа, ни один из которых не мог сравниться с утопией «Взгляд назад, 2000–1887» (*Looking Backward, 2000–1887*), первое издание которой вышло в свет в 1888 г. (L.B.)³. Популярность книги была фантастической: в первые два года после публикации

³ Строго говоря, заглавие романа следует переводить на русский язык как «Ожидание сбывшегося», поскольку сочетание *looking backward* является неологизмом, образованным от *looking forward* ‘ожидать с нетерпением, предвкушать’. В России выходил под названиями «Будущий век» (1891, перевод Л. Гей), «Через 100 лет» (1891, перевод О. Зинина) и др.

в США и Великобритании разошлось более 300 000 экземпляров [2, p. 184], в англоязычном мире к 1960-му году было продано уже более миллиона экземпляров, а в списке бестселлеров всех времён она стояла в те годы на третьем месте⁴. Востребованность романа привела к тому, что в 1897 г. Беллами опубликовал его продолжение – «Справедливость» (*Equity*), которое незамедлительно вызвало к жизни социальные движения, коммуны, пытавшиеся реализовать на практике идеи утописта [2, p. 91–92]. Резонанс был велик и в Европе: например, в Нидерландах партия, положившая в основу своей программы идеал Беллами, самораспустилась лишь в 1947 г.

Роман Э. Беллами был популярен и в России: нам известны по крайней мере семь его изданий в трёх разных переводах, увидевших свет в 1891–1918 гг., хотя идеология не имела существенного влияния в условиях быстрой радикализации социалистического движения в нашей стране. Диалогия Беллами была, по-видимому, одним из первых произведений массовой литературы, которое оказало колоссальное воздействие на общественную среду. Свидетельством этого являются продолжения, переделки и вариации романа, которые публиковались разными авторами вплоть до 70-х годов XX в., хотя пик подражаний, естественно, пришёлся на 1890–1900-е годы. В библиографии трудов Э. Беллами учтено примерно 150 таких текстов [8].

С литературно-художественной точки зрения роман «Взгляд назад» едва ли заслуживал такой известности. Это отлично понимали современники. Например, немецкий критик А. Фойгт⁵ прямо назвал роман «довольно бесцветным», хотя и признавал Беллами самым знаменитым современным утопистом [9, с. 150]. Ещё более резок польский критик А. Свентоховский⁶, отмечавший, что хотя это сочинение и переведено на все главные европейские языки и число его экземпляров «сравнилось по количеству с самыми крупными произведениями современного искусства», но «книжку эту постигла судьба Робинзона: она больше понравилась в переделке, чем в оригинале» [11, с. 366]. По мнению критика, «сама фабула так незначительна, что не могла бы составить главной притягательной силы и доставить произведению такого громадного успеха. Причиной успеха была утопия... Миллионы читателей, слыша широко проповедуемую теорию всеобщего счастья в изменённом общественном строе, с лихорадочным любопытством набросились на книгу, которая показывала им это светлое будущее в реальных формах» [11, с. 380].

Определение А. Свентоховского исчерпывающим образом описывает фабулу романа Э. Беллами. В произведении ярко проявились две ключевые особенности утопической беллетристики вообще: во-первых, зависимость литературной составляющей от идейной и, во-вторых, отсутствие потенциалов для развития

⁴ Такие данные приводятся в предисловии Э. Фромма к изданию 1960 г.

⁵ *Andreas Heinrich Voigt* (1860–1940) – немецкий математик, экономист и социолог. Защитил диссертацию в Университете Фрайбурга по алгебраической логике; обратившись к проблемам экономики в 1901–1925 гг., работал во Франкфуртском университете. Курс лекций «Социальные утопии» вышел в Лейпциге в 1906 г. и был немедленно переведён на русский язык. См. нашу рецензию на переиздание 2007 г. [10].

⁶ *Aleksander Świętochowski* (1849–1938) – польский публицист, писатель и общественный деятель. В своих художественных произведениях развивал идеи, выраженные в публицистике. Идеолог варшавского позитивизма; начав как либерал-просветитель, в независимой Польше перешёл на умеренные позиции, сходные со взглядами Г. Уэллса, но с большим националистическим уклоном. Трактат “*Utopie w rozwoju historycznym*” («История утопии») вышел в 1910 г. и был сразу переведён Е. Загорским на русский язык (см. [11]).

жанра. Если сравнить «Взгляд назад», например, с «Утопией» Т. Мора, то легко заметить, что черт сходства будет гораздо больше, чем различий, хотя эти произведения разделяют три с половиной столетия.

По бинарной классификации Л. Мэмфорда «Взгляд назад» является утопией бегства. Сюжет романа можно описать единственной фразой: протагонист – бостонский рантье Джулиан Вест, погрузившись в летаргию в 1887 г., пробуждается в Бостоне 2000 г. и остаётся там навсегда. Примерно 90% объёма текста занимают лекции об общественном и экономическом устройстве общества и описание новых реалий, которыми восхищается пришелец из позапрошлого века во время прогулок по городу. Как и в подавляющем большинстве романов-утопий, у Веста имеется чичероне – это хозяин дома, в котором он пробудился, – доктор Лит; проводник-лектор является *alter ego* автора. Единственным элементом, который придаёт сюжету хоть какую-то динамику, выступают романтические отношения Джулиана Веста с дочерью доктора Лита Эдит – правнучкой невесты главного героя, навсегда оставшейся в XIX в. В некоторых европейских переводах анализируемого романа всё действие происходит во сне протагониста, хотя оригинал представляет собой ухронию, то есть основой сюжета является перенесение персонажей в иное (невозможное) время, в отличие от гетеротопии Т. Мора, в которой герои, находясь в своём реальном времени, переезжают в далёкую страну с желательными социальными и политическими порядками, невозможными в существующем мире⁷. В этом смысле роман Э. Беллами предвосхитил огромный пласт массовой и фантастической литературы, хотя данный приём был популяризирован Г. Уэллсом в романах «Машина времени» (*The Time Machine*, 1895) и «Спящий пробуждается» (*The Sleeper Awakes*, 1910). Последний, будучи впервые опубликованным в 1899 г. и впоследствии переработанным в 1910 г., явно обнаруживает черты сходства с утопией Беллами, в том числе в построении основной фабулы.

Коль скоро мы обратились к параллелям между Э. Беллами и Г. Уэллсом, отметим, что именно в период между написанием «Взгляда назад» и «Спящего...» становится заметна жанровая амбивалентность, когда утопия обращается в свою противоположность, то есть антиутопию. Характерно, что западные исследователи, проводя маркировку жанра, причисляют оба романа именно к утопиям, хотя в России образы Уэллса традиционно рассматривались как антиутопические. Причины такого расхождения, как представляется, превосходно описал Р. Хайнлайн в эссе «Ящик Пандоры» (впервые опубликовано в 1952 г.). С его точки зрения, авторы-фантасты, к которым причислены и Э. Беллами, и Г. Уэллс, и Дж. Оруэлл, и О. Хаксли, «прилагают максимум усилий к тому, чтобы их истории производили впечатление реальных картин будущего. Пророчество» [12, с. 512]. Объясняется это жанровой природой фантастики, которая

⁷ Ухронию следует отличать от хронооперы, ярким примером которой является роман Дж. Финнея «Меж двух времён» (*Time and Again*, 1970). В произведении главный герой попадает в прошлое ради самого этого прошлого, чтобы посмотреть на жизнь США времён его дедушки; протагонист не имеет сознательного намерения менять прошлое и будущее. В дальнейшем данный приём использовали Р. Хайнлайн («Достаточно времени для любви, или Жизни Лазаруса Лонга» (*Time Enough for Love*), 1973), С. Кинг («11/22/63», 2007) и др. Напротив, в цикле «Патруль времени» П. Андерсона (1955–1995) и тем более в романе А. Азимова «Конец Вечности» (1955) протагонисты активно вмешиваются в исторические процессы с целью решения своих задач. В пародийно-парадоксальном ключе проблема была представлена Г. Гаррисоном в «Фантастической саге» (*The Technicolor Time Machine*, 1967).

принципиально ориентирована на будущее, хотя бы и вероятное, воображаемое. Метод писателя-фантаста при этом – «экстраполяция и/или предположение» [12, с. 512–513]. «...Писатель-фантаст – и вообще *любой*⁸ писатель – никогда не должен забывать о том, что в первую очередь он обязан читателя развлекать... Если он в этом преуспеет, его рассказы наверняка останутся захватывающе развлекательными ещё долгие годы после того, как окажутся ложными “пророчествами”. <...> Попробуйте раздобыть... роман “Когда спящий проснётся”⁹. Техника в нём изображена очень изобретательно – и ни к чёрту не годится. *Будущее великолепно – но так и не наступило* (курсив наш. – Д.М.). И всё это совершенно не портит сам роман; это великолепное повествование о любви, принесённых жертвах и леденящих кровь приключениях, базирующееся на основе масштабных предположений о природе Человека и его Судьбе. Впервые я прочитал его в 1923 году и перечитывал с тех пор десятков раз... и продолжаю перечитывать до сих пор всякий раз, когда ощущаю неуверенность в своих способностях справиться с малопривлекательным процессом написания прозы ради развлечения совершенно незнакомых мне людей...» [12, с. 515]¹⁰.

Совершенно верно: роман Э. Беллами не может служить даже целям развлечения. В таком случае предстоит понять, что именно так привлекло в этом тексте современников. Поскольку любая утопия представляет собой беллетризованный социологический трактат (исключения крайне редки), следует анализировать не особенности поэтики, а структуры массового сознания и параллели в литературном мире современности. В этом плане нам кажутся очень показательными суждения А. Свентоховского, отрецензировавшего роман Э. Беллами в 1910 г., и специалиста по общественной мысли XIX в. М. Бомонта («Бьюмонт» в переводе А. Нестерова). Перечислим наиболее существенные для читателя XIX в. элементы утопии Э. Беллами.

1. Изменение общественного строя, которое произошло «согласно предсказаниям исторического материализма» [11, с. 367].

2. Переход к коммунистической экономике, предполагающей, что вся собственность монополизирована единственным держателем капитала – государством, обеспечивающим всё население необходимыми благами. Символом освобождения от частной собственности выступает отсутствие в домах кухонь: всё население питается в общественных столовых (те же мотивы использованы и в романе Г. Уэллса).

3. Практическое отмирание государства, за которым остаются, например, полицейские функции.

4. Уравнение в правах мужчин и женщин. Для иллюстрации Э. Беллами использовал гендерную инверсию: описывая отношения Джулиана Веста и Эдит Лит, он сталкивает читателя с ситуацией, в которой благовоспитанная девица берёт инициативу в свои руки и первая делает предложение руки и сердца.

5. Отсутствие государственных границ и свобода передвижений.

⁸ Здесь и далее курсив автора, за исключением особо оговоренных случаев.

⁹ Название романа «Спящий пробуждается» в редакции 1899 г. Ему предшествовал рассказ «Грядущие дни» (1897 г.), в котором действие разворачивается в том же самом мире.

¹⁰ Когда произошла личная встреча Г. Уэллса и Р. Хайнлайна, британский мэтр написал для американца издание «Спящего...» 1910 г.

б. Реформирование системы воспитания и образования, которое предполагает введение трёх прав: на получение воспитания, на жизнь в образованном обществе и право потомков иметь интеллигентных родителей [11, с. 380].

М. Бомонт начинает свой анализ с завязки сюжета романа Э. Беллами – гипнотического сна главного героя. Джулиан Вест богат, но при этом боится за собственное будущее и свои фабрики, ставшие объектом рабочих волнений. «Социальные реформисты хотели провести корабль западной цивилизации между Сциллой духовно обанкротившейся буржуазии и Харибдой потенциально склонного к анархии рабочего класса. А утопия предлагала возможные (в воображении) решения реальных противоречий капиталистического общества. С одной стороны, утопия атаковала идею конкуренции, рождавшую жестокое неравенство в социуме, с другой – не хуже иного экзорциста изгоняла даже призрак коммунизма, – ведь его присутствие на политической сцене грозило свести на нет любую перспективу мирной эволюции к обществу будущего» [13]. Описываемое общественное устройство Беллами назвал национализмом, чтобы избежать нежелательных ассоциаций с социализмом, который в одном из частных писем он обозначил так: «...Для среднего американского обывателя слово “социалист” неотделимо от запаха мазута, красного флага, всех видов сексуальной распущенности и ругани по адресу Бога и религии» (цит. по [13]).

Для нашей современности значение Э. Беллами совершенно в ином. Не случайно в 2011 г. в Екатеринбурге был установлен памятник банковской карте, на постаменте которой было написано имя утописта. Именно так: Беллами описал механизмы безналичной торговли, основанной на социальном кредите и банковских картах. Эта идея была с невероятной скоростью подхвачена уже в 90-е годы XIX в., в том числе фирмой «Сирс и Робак» – пионером торговли по почте. М. Бомонт заметил, что Э. Беллами обожествил потребление для широкой публики. Некоторые пассажи «Взгляда назад» могут напомнить «Дамское счастье» Э. Золя (1882), в котором магазин женской моды предстаёт своего рода храмом. Обращение к визуальным образам потребления способно привлечь читателя даже в наши дни [13].

М. Бомонт, на наш взгляд, выявил один из приёмов, бессознательно открытых Э. Беллами, и это приём не литературы, а рекламы. Речь идёт о почти болезненном контрасте между описаниями рационально устроенного общества с его «промышленной армией», в которой по распределению служит каждый гражданин в возрасте от 21 до 45 лет, и изображением жизни и быта Бостона XXI в. В утопии жители являются не производителями, а потребителями благ. Обожествлённый Товар по определению не связан с процессом производства. Свобода потребления, по Беллами, становится основополагающим компонентом свободы в обществе, а это «политика капиталистической, а не посткапиталистической утопии, за которую она себя выдаёт» [13]. Не случайно эти моменты утопии Э. Беллами были отлично поняты современниками: так, в 1900 г. владелец бостонского супермаркета Б. Пек (В. Реск, 1853–1935) опубликовал роман с чрезвычайно откровенным названием «Мир – универсальный магазин: повесть о жизни при кооперации» (*The World a Department Store: A Story of Life under a Coöperative System*). Сюжет его в точности воспроизводит «Взгляд назад», но в сниженном виде: мелкий галантерейщик Перси Брантфорд впал

в летаргию в Сочельник 1899 г. и очнулся 7 апреля 1925 г. Он обнаружил, что мелкий частный бизнес поглощён огромными трестами, основанными в рамках Кооперативной ассоциации Америки. «Этот трест, в отличие от всех прочих трестов, находящихся в руках частных владельцев, был достоин своего имени: то была система доверительного управления, основанная на *доверии*, и эта система обеспечивала жизнь и свободу всем своим членам. Трест был основан на принципах учения Иисуса Христа» (цит. по [13]). О художественных качествах данного текста говорить не приходится вообще: он воспроизводит стиль глянцевого журналов своей эпохи.

Исторический оптимизм американской культуры проявился в этих и множестве подобных им текстах в полную силу. Однако особенности идеальной модели Э. Беллами таковы, что ныне не могут восприниматься иначе, как антиутопия. Проблема заключалась в попытке соединить несоединимое: общество, основанное на идее всеобщего братства, и изменения человеческой природы, которых требуют законы жанра. В итоге его справедливое общество зарегулировано едва ли не в меньшей степени, чем идеальные государства Т. Мора и Т. Кампанеллы. Э.Я. Баталов совершенно справедливо заметил, что жизнь в утопии Э. Беллами «оказывается удивительно бедной не только с политической, но и с культурной и социальной точек зрения, так что провозглашаемая свобода оказывается в общем формальной» [1, с. 136–137]. Кроме того, возникает вопрос: для чего государству-сверхкорпорации поддерживать высокий уровень потребления, если это не диктуется потребностями правящей верхушки? Ответ на него в 1949 г. дал Дж. Оруэлл в романе «1984» – лучшей иллюстрации к тезису, что утопии и антиутопии едины в жанровом отношении и даже могут переходить одна в другую, что ярко проявляется в моменты кризисного развития общества.

Именитый писатель-фантаст Роберт Энсон Хайнлайн¹¹ формировался как личность в «Библейском поясе» – штате Миссури, в среде фермеров и мелких предпринимателей. Военная карьера не удалась из-за открывшегося туберкулеза, не слишком удачной была и попытка преуспеть на поприще публичной политики. В 30-е годы XX в. Р. Хайнлайн состоял в общественном движении Э. Синклера¹² и явно демонстрировал симпатию к левой идеологии и существующим в США и Великобритании разновидностям социализма, которые не были связаны с марксизмом. Литературное творчество стало для 30-летнего Роберта Хайнлайна, обременённого семьёй и ипотекой, последней попыткой найти своё место в жизни; на сей раз результаты воспоследовали относительно быстро.

Дебютом Р. Хайнлайна был утопический роман «Нам, живущим» (*For Us, The Living: A Comedy of Customs*, 1938), который ожидала нелёгкая литературная судьба: текст был последовательно отвергнут несколькими издательствами [14, с. 377]. До начала 50-х годов автор использовал отдельные сюжетные наработки для своих произведений в жанре научной фантастики из серии «История будущего», которые быстро принесли ему популярность; некоторые идеи

¹¹ В общей сложности он был удостоен 16 престижных литературных наград, в том числе посмертно, является единственным писателем, пять раз получившим премию «Хьюго». По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Р. Хайнлайн в 1977-м, 1988-м и 1999-м годах признавался лучшим автором-фантастом за всё время.

¹² Корни движения Э. Синклера EPIC (*End Poverty in California*) восходят к деятельности Националистической партии Э. Беллами (подробнее см. [1, с. 141–144]).

воплотились в утопическом романе «Там, за гранью» (*Beyond This Horizon*, 1942) и эссе «Куда идём?» (*Where To? Life in 2000 A.D.*, 1980), посвящённом ремеслу писателя-фантаста и тенденциям глобального развития в 50–80-х годах. Перед смертью Хайнлайн уничтожил все рукописи неопубликованных сочинений, однако в начале 2000-х годов Л. Стоувер – специалист по творчеству Г. Уэллса, работая над биографией Р. Хайнлайна, обнаружил у одного из его друзей копию рукописи «Нам, живущим». Неизвестный публике и специалистам роман увидел свет в ноябре 2003 г. [14, с. 380–382].

Р. Хайнлайн работал над своим романом в стране, пережившей Первую мировую войну и восстанавливающейся после Великой депрессии. На фоне этих обстоятельств быстро расцвел миф о «явном предназначении» Соединённых Штатов, который в 1947 г. был оформлен юридически в форме известной доктрины Трумэна. В февральском номере журнала “Life” за 1941 г. было опубликовано эссе Генри Люса, в котором идея американского господства была перенесена из пространственной плоскости во временную, то есть было отчётливо сформулировано, что зоной интереса и ответственности США является весь мир [4, с. 20–21].

Ничего подобного нельзя найти в тексте романа «Нам, живущим». Заглавие отсылает к Геттисбергской речи А. Линкольна, произнесённой 19 ноября 1863 г., главным содержанием которой была идея равенства и борьбы за союз штатов как единое государство, в котором все граждане будут равны. В письме своему издателю Дж. Кэмпбеллу¹³ Р. Хайнлайн характеризовал свою утопию следующим образом: «[эта вещь] целиком и полностью посвящена происхождению определённых преобладающих мысленных шаблонов человека и тому, как эти шаблоны могут измениться, если изменения в экономической и социальной матрицах сместят акценты ценностей, необходимых для выживания...» [14, с. 369].

Фабула и сюжет романа «Нам, живущим» могут напомнить «Взгляд назад»: собственно сюжет отсутствует, главным героем повествования является изображаемый мир, лишь протагонист и его подруга не дают читателю заскучать окончательно. Зачин похож на начало произведений Г. Уэллса, особенно на роман «Люди как боги» (*Men Like Gods*, 1923), в котором компания англичан на пикнике неведомым образом очутилась в параллельном мире на планете Утопия, заимствованной из романа-трактата «Современная утопия» (*A Modern Utopia*, 1905). У Р. Хайнлайна некто Перри Нельсон ехал вдоль калифорнийского пляжа и, избегая столкновения, как-то перенёсся из июля 1939 г. в январь 2086 г. Далее следует подборка утопических лекций в форме травелога, разбавленная авторскими сносками и приложением с методическими рекомендациями въедливому читателю, который захочет проверить экономические выкладки Хайнлайна (U.T.L., p. 297–303). Для художественного произведения – непросто; для утопического трактата – совершенно обыденное явление.

Р. Джеймс составил сводку новаторских идей, которые Р. Хайнлайн предложил читателям [14, с. 370–377]. Перечислим их.

¹³ *John Wood Campbell, Jr.* (1910–1971) – писатель-фантаст, редактор и издатель, реформатор американской научной фантастики. В журналах, издаваемых Дж. Кэмпбеллом (“Astounding Science Fiction”, “Unknown”), дебютировали или достигли популярности А. Азимов, Р. Хайнлайн, Т. Старджон, А. ван Вогт, Г. Каттнер и К. Мур, Л. Спрэг де Камп, К. Саймак, то есть авторы, объединённые критиками в рамках золотого века американской научной фантастики. Примечательно, что во время войны Хайнлайн, Азимов и Спрэг де Камп вместе работали в Научно-исследовательской лаборатории военно-морского флота в Филадельфии.

1. Повсеместный переход к метрической системе мер, которая до сих пор так и не внедрена в США.

2. Реформирование английской орфографии, приближение её к фонетической норме.

3. Создание единой Европы и единой европейской валюты.

4. Осуществление космических полётов¹⁴.

5. Переход к экономике социального кредита. Доктрина Р. Хайнлайна выглядит, несомненно, более жизнеспособной, чем у Э. Беллами или Э. Синклера, поскольку учитывает реальный опыт Великой депрессии. Для Хайнлайна была очевидна порочность рыночной экономики; осозная, что используемой банками денежной массы физически не существует, он предлагал отнять у частных банков функцию производства денег, чтобы в значительной степени снять несоответствие между производством и потреблением. Данную линию Р. Хайнлайн применил в утопии «Там, за гранью».

6. Признание права человека на свободу и тайну частной жизни. По мнению утописта, что человек делает в сфере личного, никого не касается, пока не вредит другим гражданам; ревность считается психическим заболеванием и лечится.

7. Введение правил объявления войны, согласно которым война может быть объявлена лишь по результатам референдума; правительство может действовать самостоятельно, только если на страну уже напали. В первую волну мобилизации идут те, кто на референдуме проголосовал за объявление войны. Эти идеи Р. Хайнлайн последовательно реализовал в романе «Звёздный десант» (*Starship Troopers*, 1959).

Перечисленные тезисы демонстрируют, что модели утопического общества, разработанные Р. Хайнлайном и Э. Беллами, полностью совпадая в жанровом и сугубо литературном отношении, тем не менее принципиально отличаются друг от друга. Корень различия – отношение к производству и потреблению. В центре мира, описанного в романе «Взгляд назад», – пассивный потребитель жизненных благ, создаваемых полуабстрактной, похожей на силы природы «трудовой армией». Радикальные индивидуалисты Р. Хайнлайна, напротив, не только активны в социально-политической сфере, но и отлично разбираются в экономике и технологии. Это иллюстрация генетической особенности жанра утопии: соответствующие тексты всегда посвящены теме изменения общества и человека в условиях трансформировавшейся социальной среды, прежде всего новых законов государства. Любой писатель-утопист является носителем комплекса материальных и прагматических ценностей; в XX в. сильнейшее влияние на жанр оказала философия бихевиоризма. Не случайно, что и сам Ф. Скиннер – виднейший теоретик бихевиоризма – написал утопический роман «Уолден II» (*Walden Two*, 1948). Однако только в результате социальных потрясений первой половины XX в. пришло понимание, что набор ценностей и конечный результат их применения могут составить сильнейшую оппозицию как друг другу, так и намерениям утопистов. Именно по этой линии проходит

¹⁴ Р. Хайнлайн с 1931 г. состоял в Американском ракетном обществе, а в 1950 г. выступил продюсером фильма «Место назначения – Луна» (“Destination – Moon”), снятого по его же сценарию. Собранные в прокате средства способствовали росту общественного интереса к астронавтике; неудивительно, что Хайнлайн был одним из тех, кто комментировал в прямом эфире высадку человека на Луне в 1969 г.

граница между утопиями и антиутопиями, которые в остальном отношении могут ничем не отличаться друг от друга.

Утопическая модель Э. Беллами основана на глубочайшем удовлетворении основами существовавших в США общественного строя и экономической системы. Напротив, модель утопии Р. Хайнлайна ведёт к революционным преобразованиям образа жизни человечества при минимальном использовании принуждения и регламентации и с учётом психологических особенностей человечества как вида. Очевидно, что решение этих задач в минимальной степени соотносилось с целями и задачами литературного творчества как художественного акта. Роман Э. Беллами «Взгляд назад» стал общественным явлением, поскольку предложил привлекательную модель потребления, не будучи при этом художественным произведением. Дебютный роман Р. Хайнлайна «Нам, живущим» вообще не был опубликован при жизни автора; в дальнейшем он в течение долгих лет активно занимался написанием коммерческих приключенческих романов для юношества, постепенно воспитывая поколение читателей, способных воспринять его идеи.

Источники

- L.B. – *Bellamy E.* Looking Backward, 2000–1887. – Boston: Ticknor and Co., 1888. – 470 p.
 U.T.L. – *Heinlein R.A.* For us, the living: A comedy of customs. – N. Y.: Pocket books, 2004. – 330 p.

Литература

1. *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
2. *Morris J.M., Kross A.L.* The A to Z of utopianism. – Lanham: Scarecrow Press, 2009. – XL, 392 p.
3. *Баталов Э.Я.* В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
4. *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). – М.: РОССПЭН, 2005. – 375 с.
5. *Гарсиласо И. де ла Вега.* История государства инков / Пер. со староисп. В.А. Кузьмищева. – Л.: Наука, 1974. – 748 с.
6. *Бодрийяр Ж.* Америка / Пер. с фр. Д. Калугина. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 206 с.
7. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост. В.А. Чапликова. – М.: Прогресс, 1991. – 406 с.
8. *Widdicombe R.T.* Edward Bellamy: an annotated bibliography of secondary criticism. – N. Y.: Garland Publ., 1988. – 588 p.
9. *Фойгт А.* Социальные утопии / Пер. с нем. Н. Стороженко. – М.: КомКнига, 2007. – 192 с.
10. *Мартынов Д.Е.* Воспоминание о Будущем, или Utopia denudata Андреаса Фойгта // Евразийские исследования. – 2010. – № 4 (12). – С. 124–130.
11. *Свентоховский А.* История утопий: От Античности до конца XIX века / Пер. с польск. Е. Загорского. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 448 с.
12. *Хайнлайн Р.* Ящик Пандоры / Пер. с англ. А. Волнова // Миры Роберта Хайнлайна: Полн. собр. фантаст. произведений: в 25 т. – Рига: Полярис, 1994. – Т. 25. – С. 512–518.

13. *Бьюмонт М.* Мир как универсальный магазин: утопия и политика потребления в конце XIX века / Пер. с англ. А. Нестерова // Нов. лит. обозрение. – 2004. – № 70. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/bu12.html>, свободный.
14. *Джеймс Р.* Чистая победа [Послесловие] // Хайнлайн Р. Нам, живущим / Пер. с англ. М.А. Зислиса. – М.: Эксмо, 2013. – С. 358–382.

Поступила в редакцию
18.01.16

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент кафедры китаеведения и стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 244–255

Two Models of the American Utopia
(Based on the Works by E. Bellamy and R. Heinlein)

D.E. Martynov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Received January 18, 2016

Abstract

This paper is devoted to the utopian genre in the United States during the period of 1880–1940. Practical orientation of the society for implementation of the utopia is a specific feature of the utopian consciousness, as well as, therefore, of the utopian fiction in America. The United States embraced the European tradition of constructing a utopian ideal, in which inversion allowing the imagination to simultaneously overcome the reality and create a radically different world is the main method. Whereas egalitarianism was the ideal of European utopianists, the American utopia very early took the idea of justice; it was more associated with the equality of opportunities, rather than with the equality of property and consumption. Thus, E. Bellamy's utopian novel "Looking Backward, 2000–1887" (1888), with no literary merit, made a revolution in the minds of both the United States and Europe, thereby laying the basis for a number of major social trends, especially in the sphere of consumption. R. Heinlein made an attempt to create his own utopian ideal in the second half of the 1930s. He faced the misunderstanding among publishers and completely switched to writing commercial science fiction.

Keywords: utopia, inversion, science fiction, USA, Edward Bellamy, Robert Heinlein

⟨ *Для цитирования:* Мартынов Д.Е. Две модели американской утопии (на примере произведений Э. Беллами и Р. Хайнлайна) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 244–255. ⟩

⟨ *For citation:* Martynov D.E. Two models of the American utopia (based on the works by E. Bellamy and R. Heinlein). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 244–255. (In Russian) ⟩